

16 МАИ 1988

ИЗВЕСТИЯ
г. Москва

1985 года

3

КНИГИ:
НОВИНКА НЕДЕЛИ«...А СТАН
НЕ ПОГНУЛСЯ»

Имя, стоящее в заголовке книги И. Н. Соловьевой и В. В. Шитовой «К. С. Станиславский», относится к числу самых знаменитых в нашем искусстве. Об этом великом актере и режиссере написаны тома и тома. Однако то, что новая книга выпущена издательством «Искусство» в серии «Человек. События. Время», не случайно.

Говоря об известной автобиографии Константина Сергеевича «Моя жизнь в искусстве», Соловьева и Шитова определяют ее «сюжет» как «перипетии отдельной, по собственным законам движущейся судьбы в общем поле движущейся художественной культуры и в общем поле истории». Этому же принципу последовали и сами нынешние биографы Станиславского.

Примечательно, что многочисленные фотографии, помещенные в книге, как-то не хочется называть «иллюстрациями». Изумительные крупнопланные портреты самого ее героя, его сподвижников и современников, счастливо запечатленные моменты не только театральной, но общественной жизни, афиши, плакаты грозных лет революции — да трудно и перечислить все, что органически сливается с текстом, словно бы «возникая» из него, продолжая и «договаривая» иным образом авторские мысли.

Станиславский, его талант, его судьба предстают в книге в тесной связи с разнообразнейшими явлениями окружающей жизни. Тут не просто «свойство» семейства, откуда вышел Костя Алексеев, с деятельным Мамонтовым, или знакомство молодых Алексеевых с Серовым и Коровиным, написавшим декорации для одной из их

домашних постановок, или счастливая встреча с Владимиром Немировичем-Ланченко, восемнадцатичасовой разговор взахлеб, предрешивший создание Художественного театра, а впрямь мощнейшее «общее поле» национальной культуры, создаваемое титаническими усилиями Толстого и Чехова, Шаляпина и Врубеля и многих других. Художественный театр — детище времени, в его истории и биографии самого Станиславского ярко сказалось то, что авторы книги, характеризуя первый спектакль «художников», определяют, как «русская жизнь в ее расцвете и на сломе» (близилась революция).

В этом секрет необычайной популярности молодого театра у его зрительской аудитории, своеобразный «портрет» которой стремятся создать авторы книги. Упомянется, например, об одном письме, автор которого на спектакле «Три сестры» «себя... узнавал в Андрее Прозорове, и Андрея Прозорова с его вянущей, сдавшейся жизнью — в себе». Чему, казалось бы, тут радоваться? Но Соловьева и Шитова глубоко правы, когда замечают: «Какой же он все-таки молодец, этот тридцатилетний зритель из провинции: как честен он в узнавании себя, как не боится правды».

И ведь верно — молодец: не ищет в искусстве одного развлечения, не ждет от него похвалы, лести. Такой зритель, «выращенный» Толстым и Достоевским, Щедриным и Чеховым, чувствовал в Художественном театре «родню».

В этом разгадка той прочности и «остойчивости», какую театр проявил в бурях времени. Одна мемуаристка запомнила встречу в первые послереволюционные годы со Станиславским, обремененным покложей: «тяжелое несет, а стан не погнулся, походка легкая». Эта мимолетная бытовая деталь кажется символической. Напряженно размышлявший о месте искусства в изменившемся мире, подвергавшийся неистовым девацким наскокам, Станиславский «не погнулся» под тяжестью всевозможных проблем и забот. Замечательно, что уже сезон 1925—1926 годов стал для Художественного театра, по выражению Константина Сергеевича, «вторым Пушкино» (там в 1898 году в сарае происходили первые репетиции будущих спектаклей).

На этот раз рождаются «Пугачевщина», «Горячее сердце», «Дни Турбинных», а чуть позже — «Бронепоезд 14-69». Обновляется и сам театральный язык, на «палитре» актеров и ре-

жиссеров загораются неприлично яркие краски, и весело читать «подстрекательские» записки шестидесятилетнего, давным-давно убеленного сединами «патриарха»: «Надо переходить границы правды, познавать перейденное расстояние, по нему узнавать, где граница. А узнав — жонглировать и гулять свободно в области правды».

Всякое, разумеется, было на столь долгом пути — и неудачи, и расхождения с давними спутниками, и, наконец, тяжелая болезнь...

Прекрасна фотография стареющего Станиславского, задумчивого, даже, похоже, со слезами на глазах. О чем они? Об уходящих силах? А может быть, это иное: «Порой опять гармонией уплюсь, над вымыслом слезами обольюсь...»? Похоже, что так, потому что за набравшей слезой светится та «станиславская» улыбка, которую один журналист назвал «детской... или улыбкой очень счастливого человека».

А. ТУРКОВ.